

# Становление предпринимательства на Дальнем Востоке России в 1960 — начале 1990-х гг.: от «барахолки» к рынку<sup>1</sup>

**Юлия Николаевна Ковалевская,**

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.  
E-mail: tupa67@mail.ru

**Лариса Александровна Крушанова,**

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.  
E-mail: larrie@list.ru

В статье анализируются различные формы предпринимательства и реакция на них государства в поздний советский и постсоветский периоды. Предпринимательская деятельность рассматривается как легальный / нелегальный социальный институт и часть повседневной жизни. Авторы считают, что государство не смогло создать институциональную среду, которая способствовала бы развитию мелкого бизнеса, хотя и декларировало его социальную значимость.

**Ключевые слова:** российский Дальний Восток, спекулянты, фарцовщики, кооператоры, бизнесмены, экономическая преступность, повседневные практики.

**The beginning of business activities in the Far East of Russia in 1960s — early 1990s: From «flea market» to the market.**

**Yulia Kovalevskaya**, Cand. Sc. (History), senior researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok.

**Larissa Krushanova**, Cand. Sc. (History), researcher at the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok.

This article analyzes the various forms of business activities and the reaction to them of the state in the late Soviet and post-Soviet periods. Business activities are seen as a legal / illegal social institution and a part of everyday life. The authors believe that the state has failed to create an institutional environment that is conducive to the development of small businesses, although it declared its social importance.

**Key words:** Russian Far East, speculators, black-marketeters, co-operators, businessmen, economic crime, everyday practice.

---

<sup>1</sup> Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-01-00199 «Социальные трансформации и процессы модернизации на Дальнем Востоке 1985—2012 гг.: противоречия и взаимосвязь».

Цель статьи — проследить эволюцию взаимоотношений государства и предпринимателей в период, являвшийся переходным от советского общества к рыночному. Особое внимание уделено предпринимательству как части повседневных практик советского и постсоветского общества на Дальнем Востоке России.

Тема предпринимательства, в том числе советского периода, раскрывается в трудах О. Лейбович [18], В.В. Радаева [26] и др. Ранний период развития малого бизнеса на Дальнем Востоке отражён в монографии А.С. Ващук и Л.А. Моисеевой [21]. Бизнес-институты и их формальные и неформальные отношения с властью — тема работ Л. Бляхера [2]. Криминальная сторона экономической деятельности в советский период исследуется Л.А. Крушановой [16]. В данной статье сделана попытка показать развитие предпринимательства (от нелегального до полностью легализованного) на примере пересечения личной биографии и развивающейся социальной структуры.

После смерти И.В. Сталина руководство советского государства направило усилия на либерализацию всех социальных сфер: политики, экономики, духовной и общественной жизни. «Оттепель» второй половины 1950-х — начала 1960-х гг. породила новые социальные явления: молодёжную субкультуру — «стиляжничество» — и новый тип людей, стремившихся заработать вне государственной системы производства и распределения, — «спекулянтов».

«Стиляги» по мере сил демонстрировали приверженность к западной моде и стилю жизни. Это выражалось в стремлении быть одетыми в модные «шмотки» и обувь, которые на фоне вещей производства советской лёгкой промышленности выглядели вызывающе. В конце 50-х гг. яркий пример — подражание во внешности Элвису Пресли, а несколько позже, в 60-х гг., — «битлам» (участникам группы Beatles): брюки-клёш, водолазки («битловки»), относительно длинные волосы. Часть этого образа — наличие записей легендарной четвёрки в виде пластинок, но в 60-х гг. предпочтение отдавалось бобинным записям [7], поскольку пластинок было мало и стоили они дорого.

Проводниками «стиляжничества» стали, в первую очередь, студенты и выпускники «языковых» факультетов. По воспоминаниям И.К., учась на японском отделении филологического факультета ДВГУ (1964—1971 гг.), в качестве переводчика он проходил языковую практику в Японии на судах ДВМП, ВБТРФ, Востокрыбхолодфлота. Как моряк заграничавания, И.К. получал зарплату в японской валюте, а знание языков (английского и японского) позволяло ему выгодно приобретать модные вещи, обувь, магнитофоны и др. товары.

Дети партийных функционеров также имели определённые возможности, т.к. их родители пользовались сложившейся ещё в начале советского периода системой спецмагазинов, через которые шло распределение дефицитных товаров (от продуктов питания до автомобилей). Во Владивостоке руководство ТОФ и погранвойск отоваривалось в «адмиральском

салоне» флотского универмага, находившегося в районе Эгершельда, партноменклатура продукты покупала в буфете, который располагался во дворе здания старого крайисполкома, а промтовары — на базах по специальным запискам [7], сотрудники КГБ приобретали продукты, сигареты и импортный алкоголь в ресторане «Волна» (р-н железнодорожного вокзала) [13].

Внимание властей к этой молодёжной субкультуре было вызвано тем, что её представители считались носителями западной идеологии. Местное партийное руководство периодически рапортовало об успехах в борьбе с теми, кто мешает «строить коммунистическое общество». В одном из документов Приморской краевой партийной организации читаем: «Стиляжничество у нас появилось недавно, но формы его в своей безнравственности падают всё ниже и ниже и становятся до бесстыдства невыносимыми. Число стилиаг не уменьшается» [ГАПК. Ф. 533. Оп. 1. Д. 45. Л. 7—8]. В крупных городах региона (Владивостоке, Находке, Хабаровске) партийные структуры и ВЛКСМ организовывали собрания, направленные против «стиляг». Консервативная часть общества воспринимала проявления молодёжного эпатажа как подрыв основ социализма.

Разрушителями советского образа жизни руководство страны считало и спекулянтов, чья деятельность не прекращалась с первых лет существования Советского Союза. После того, как кооперативы, занимавшиеся мелким производством и ремонтом одежды и обуви, ликвидировали (1957—1960 гг.), эта категория «ушла» в подполье. По данным Т.И. Корягиной, в 1960-х гг. в теневом секторе экономики было задействовано около 10 млн чел., а её объём составлял 5 млрд руб. [4, с. 40].

Дефицит товаров первой необходимости провоцировал постоянный рост желающих заработать на перепродаже. Освободившаяся ниша вскоре заполнилась новыми «антиобщественными элементами» — «фарцовщиками» (многие из них являлись «стилягами»), занимавшимися мелкой спекуляцией. На Дальнем Востоке это было тесно связано с наличием судов торгового флота и развитием торговли между СССР и Японией. Советский Союз поставлял природные ресурсы, а взамен из Японии поступали товары лёгкой промышленности, которые шли сначала на товарно-промышленные базы портов, откуда не только распределялись согласно разрядке, но и распродавались «своим людям» или «надёжным магазинам»<sup>2</sup>, вскоре частично оказываясь на местных рынках.

Другим источником поступления товаров на «барахолку» (или «толкучку») были советские моряки, в основном привозившие для себя из-за границы одежду, обувь и т.д. Кое-что из этого продавали на «барахолках» жёны моряков либо «свои». Самая известная в 1950—1960-х гг. «барахолка» на Дальнем Востоке располагалась во Владивостоке — в рай-

<sup>2</sup> Цена не завышалась, так как если бы сотрудники правоохранительных органов поймали работников базы на таком преступлении, наказание могло быть очень суровым.

оне Голубиной пади [7]. До 1958 г. наиболее продаваемым товаром была одежда, привезённая из Харбина [13].

Эти и другие признаки разрушения советской идеологии способствовали постепенному формированию новых ценностей. Однако трудовые мотивации и государственные приоритеты ещё имели огромное значение для большей части всего поколения тех лет, в том числе и молодёжи. Кроме того, до середины 1960-х гг. милиция ориентировалась на централизованные установки ведения борьбы с «тунеядцами» и другими «паразитами общества», благо их численность была минимальной. Например, в Хабаровском крае в 1961—1963 гг. из 498 чел., уклонившихся от трудоустройства, нетрудовые доходы (запрещённые промыслы или частнопредпринимательская деятельность) имели 24 чел. [ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 11. Д. 1181. Л. 1].

Поклонников западной моды («стиляг») и спекулянтов объединили в понятие «антиобщественные, паразитические элементы общества». Реакция государства была быстрой: в 1957 г. Комиссия законодательных предположений при Совете Министров РСФСР приступила к разработке специального закона, направленного на борьбу с ними [6]. По времени действия это совпало с другой реформой Н.С. Хрущёва: ликвидацией министерств и созданием совнархозов. Однако в борьбе со спекуляцией Указ 1957 г. не дал ожидаемых результатов, и через несколько месяцев вышли Указы Верховного Совета РСФСР «О борьбе с открытой мелкой спекуляцией» от 12 сентября 1957 г. и 27 апреля 1959 г., а также документ «О дополнении Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 сентября 1957 г. „Об ответственности за мелкую спекуляцию“» [15]. Количество задержанных за мелкую спекуляцию не уменьшалось: в Приморском крае в 1958 г. оно составило 285 чел., в 1959 г. — 287 чел., в 1960 г. — 364 чел. [УВД ПК. Ф. 18. Оп. 3. Д. 39. Л. 1—4; Д. 40. Л. 2—8; Д. 41. Л. 9].

4 мая 1961 г. вступил в силу Указ Верховного Совета РСФСР «Об усилении борьбы с лицами, уклоняющимися от общественно полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни». Под его действие подпали не только нищие, бродяги и тунеядцы (борьба с ними велась с 1951 г.), но и люди, зарабатывающие на жизнь частным производством (портные, сапожники, плотники, фотографы и др.) и торговлей, независимо от их трудоустройства (спекулянты); молодёжь, которая не работала, но общалась с иностранцами и занималась мелкой перепродажей импортных вещей («фарцовщики»<sup>3</sup>). В нетрудовых доходах обвиняли также крестьян, чей участок земли превышал установленный законом размер, рыбаков и лесорубов, сбывающих часть добычи «налево» по рыночным ценам и т.д.

На протяжении рассматриваемого периода отношение людей к спекуляции как социальному и экономическому явлению менялось. Если

<sup>3</sup> Фарцовка — нелегальная продажа вещей западного, в том числе японского, производства в СССР. Фарцовщики — молодёжь в возрасте, как правило, до 30 лет.

в начале 1960-х гг. реакция населения и правоохранительных органов была следующей: «...спекулянты в городах края... нарушают нормальную государственную торговлю, причём многие из них действуют совершенно открыто и тем самым вызывают возмущение граждан» [ГАПК. Ф. П-68. Оп. 101. Д. 146. Л. 21], то в 1970—1980-е гг. «барахолка» стала не просто местом, где перепродавались товары повышенного спроса, но и «праздником выходного дня». Считалось хорошим тоном хотя бы иногда, примерно 3—4 раза в год, что-то там покупать. Более того, в 1970—1980-х гг. на промтоварных рынках сбывалась продукция «теневых» производителей одежды, изготавливавших стильные вещи в домашних условиях, но обязательно с фирменными «лэйбами», которые привозили из-за границы всё те же моряки торгового флота [7].

Отношение общества и государства к спекуляции менялось от десятилетия к десятилетию. Во-первых, снижалось количество «пойманных». Если в 1960 г. органы правопорядка привлекли к уголовной ответственности 364 чел. [УВДПК. Ф. 18. Оп. 3. Д. 40. Л. 2—8], то в 1973 г. — 126 чел. [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 2. Д. 88. Л. 11—11об], хотя реальное число спекулянтов увеличилось. Смягчались и наказания: вместо лишения свободы всё чаще применялись административные взыскания (штраф и конфискация предметов спекуляции). Но иногда государство проводило показательные процессы. В начале 1960-х гг. в СССР суды вынесли 163 смертных приговора за экономические преступления [22]. Одним из самых громких в эпоху правления Хрущёва стало дело 33-летнего Яна Рокотова, который начинал как спекулянт, «фарцовщик», а был осуждён за спекуляцию валютой. Другие фигуранты дела — ровесник Рокотова аспирант Плехановского института Дмитрий Яковлев и 24-летний студент Владислав Файбишенко [22].

В 1980-х гг. спекуляция приобрела широкий размах, вызванный ростом материального благополучия населения и отсутствием в госторговле яркой и красивой одежды, модных очков и сумок, женской и мужской косметики и т.д. Советские предприятия выпускали одежду относительно качественную, из хороших тканей, но не модную, в консервативном стиле. Производство галантерейных товаров ориентировалось на их повседневное использование. Возникал острый дефицит модных вещей, на который особенно остро реагировала молодёжь.

Эту нишу традиционно восполняли спекулянты, или появившиеся ещё в 1960-х гг. и просуществовавшие до конца 1980-х гг. «фарцовщики». Энциклопедия «Луркоморье» так описывает внешний вид их типичных представителей: «это неопрятные юнцы, попрошайничавшие у иностранцев жвачку, галстуки, значки, сувениры, или молодые люди, производившие с иностранцами обмен партий импортного товара на армянский коньяк, советские фотоаппараты, часы» [27]. Однако люди, сталкивавшиеся с фарцовщиками во Владивостоке, наоборот, описывают их как опрятных и внешне приятных молодых людей, имевших определённый объём знаний английского языка [13]. В 1980-х гг. вчераш-

ние юнцы стали лицами, ведущими незаконную предпринимательскую деятельность (ст. 154 УК РСФСР). В 1970—1980-е гг. советский «чёрный рынок» превратился в систему с разделением труда и оборотами в десятки тысяч рублей.

В СССР зарождались предприниматели — новый класс, идеологически не вписывавшийся в советскую систему ценностей. Фарцовщики использовали любую возможность, чтобы «достать» товар. Одни контактировали с иностранцами, выменивали у них вещи, другие, моряки заграничавания, рискуя закрытием визы, привозили (чаще всего небольшими партиями) и отдавали вещи на реализацию предприимчивым людям, третьи выступали посредниками между ними; четвёртые использовали служебное положение (сотрудники гостиниц и ресторанов «Интуриста», в меньшей степени — практиканты интерклубов и т.д.).

Правоохранительные органы, а в некоторых случаях и органы государственной безопасности, уделяли этому явлению пристальное внимание. На «карандаш» брали работников торговли, задержанных за продажу товаров по завышенным ценам, сотрудников оптовых баз, студентов вузов, особенно языковых факультетов, моряков заграничавания, в т.ч. тех, чьи члены семьи были задержаны за спекуляцию. В таких случаях следовали санкции в виде привлечения к административной или уголовной ответственности. Обязательно «сигнализировали» по месту работы или учёбы. Порой сотрудников торговых организаций могли уволить, а студентов — отчислить из вуза. Несмотря на столь жёсткие меры, уменьшить число занимавшихся перепродажей товаров по завышенным ценам не удавалось. Так, в Хабаровском крае в 1979 г. органы БХСС выявили 124 факта уголовно-наказуемой спекуляции, в 1980 г. — 140, в 1981 г. — 144. В 1980 г. по подозрению в спекуляции было задержано 380 чел., в 1981 г. — 405, в том числе 9 работников торговли, 22 студента, 108 рабочих и служащих, 42 пенсионера. Из общего числа привлечённых 52% составляли граждане в возрасте до 30 лет [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 215. Л. 81].

К началу 1980-х гг. на Дальнем Востоке, как и в стране в целом, сложились определённые стандарты качества жизни, но, к сожалению, не каждый дальневосточник мог им соответствовать. Неудовлетворённость социально-бытовыми условиями, дефицит товаров первой необходимости в итоге влияли на рост численности спекулянтов, а «блат» стал составляющей советской реальности. «Блат» (как принцип «ты — мне, я — тебе») оказался жизненно необходим при покупке в магазинах «фирменных» японских вещей (от детских курток до плащей из болоньи или кождама фирмы «Марубэни»), при распределении квартир (выбор стороны расположения окон, этажа). Были «свои» парикмахеры, портные, зубопротезисты, врачи (особенно в портовых городах Дальнего Востока ценились венерологи).

Приход к власти Ю.В. Андропова ознаменовал ужесточение мер, направленных против нарушения трудовой дисциплины и тунеядства.

В городах и посёлках городского типа около кинотеатров, промышленных и продуктовых магазинов периодически дежурили сотрудники милиции и выявляли людей, которые в рабочее время находились не на рабочих местах. В период правления Ю.В. Андропова было ещё одно громкое дело о взятках в особо крупных размерах — дело по «Елисеевскому гастроному», завершившееся вынесением смертного приговора директору Ю. Соколову. Однако после Андропова борьба с «язвами» советского общества пошла на спад.

Из-за кризиса распределительной системы и постоянного дефицита «блат» и спекуляция пронизывали повседневность поздней советской эпохи. На Дальнем Востоке их проявление было более заметным, чем в центральной части РСФСР. По производству товаров народного потребления в 1985 г. Дальний Восток занимал от 43 (Приморский край) до 73 места (Магаданская область) [5, с. 178]. В свободной продаже отсутствовали мясо, колбасы, фрукты и другие продукты, которые становились предметом мелкой спекуляции. Это явилось причиной роста количества правонарушений в торговле [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 215. Л. 19—21].

Поиск спекулянтов осуществлялся не только в государственной торговле. Проверкам подвергались и сельхозрынки. Во втором квартале 1981 г. в Хабаровске задержали 92 чел., в их числе было 59 чел. из кавказских, среднеазиатских республик, а также Украины и Молдавии [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 215. Л. 41—42, 65]. Рост спекуляций резко возростал в предпраздничные и праздничные дни.

В 1980 г. крупнейшую «барахолку» Владивостока перенесли в район станции электрички «Аэропорт», недалеко от г. Артёма. Аналогичным образом были закрыты или удалены на значительное расстояние от города промтоварные рынки в Иркутске, Улан-Удэ, Благовещенске. Этот опыт, как предположили в УВД Хабаровского края, мог оказаться положительным и для Хабаровска [ГАХК. Ф. П-35. Оп. 108. Д. 215. Л. 80—81]. Однако не везде так рьяно боролись со спекуляцией. С 1950-х гг. в Находке функционировал второй по значимости в Приморском крае «чёрный рынок» (действует и сегодня). В начале 1980-х гг. с открытием Восточного порта статус «главной барахолки» Дальнего Востока перешёл к рынку, расположившемуся около порта. Отмечается характерная особенность: чем больше товаров народного потребления входило в перечень дефицитных, тем слабее становилось борьба со спекуляцией.

Тенденция сокращения выявленных фактов спекуляции сохранялась на протяжении трёх десятилетий (60—80-е гг.). Так, в Приморье в 1977 г. выявили 131 случай, в 1981 г. — 78, т.е. на 40% меньше. Даже рост ассортимента дефицитных товаров особо не повлиял на численность привлечённых к ответственности: в 1987 г. — 144 чел. [ГАПК. Ф. 1210. Оп. 1. Д. 5. Л. 25]. Бары, рестораны и дискотеки в 1970—1980-х гг. являлись местом, где спекуляция процветала. Так, на владивостокской дискотеке «Аэлита» (ныне — ресторан «Моранбон», ул. 1-я Морская, 6/25), где продавалось всё — от жевательной резинки и сигарет до модных джинсов и кур-

ток, — фарцевали и те, кто входил в состав ОПГ «Третьей смены», и те, кто в 1990—2000-х гг. вошёл в политическую элиту Приморского края [13].

В более поздний период с ростом кооперативного движения перепродажа товаров, если она не носила оптового характера, перестала рассматриваться как спекуляция вовсе, хотя статья из уголовного кодекса исчезла только с началом «шоковой терапии» 1992 г.

Официальное отношение советской власти в самом конце её существования к «нетрудовым элементам» отражено в монографии Н.Ф. Кузнецовой (1984), где утверждалось, что «три вида криминогенно деформированной экономической и трудовой психологии — корысть, паразитизм и недисциплинированность — порождают более половины всех преступлений в стране» [17]. Наиболее опасной для общества автору виделись «корысть-стяжательство, корысть-накопительство. По социальной сущности они более всего сродни частнособственнической психологии бывших нэпманов и кулаков, а в мире капитализма — бизнесменов. Корысть-стяжательство выступает причиной крупных хищений, взяточничества». В 1984 г. автор ещё верила, что с помощью правильного трудового воспитания в духе коллективизма можно преодолеть «рудиментарную психологию индивидуализма, в том числе самого негативного её вида — криминогенного эгоизма» [17, с. 67, 76].

Спустя два года М.С. Горбачёв думал так же. На XXVII Съезде он говорил: «Партия придаёт первостепенное значение последовательному и настойчивому искоренению нарушений трудовой дисциплины, хищений и взяточничества, спекуляции и тунеядства, пьянства и хулиганства, частнособственнической психологии и стяжательства...» [20, с. 160].

В 1987 г. в поисках стимулов роста экономической активности населения и преодоления товарного дефицита правительство М.С. Горбачёва сделало ставку на личную заинтересованность, обратилось к опыту нэпа: власть инициировала возрождение кооперативов, главными задачами которых были восполнение дефицита продуктов питания и товаров массового спроса, развитие сферы услуг (парикмахерских, такси, кафе, мастерских и т.д.). В том же году был принят Закон СССР о государственном предприятии, ставший новым шагом к возвращению рыночных отношений. В 1988 г. вышел Закон СССР № 8998-XI «О кооперации в СССР», окончательно разрушивший складывавшуюся десятилетиями советскую экономическую систему. Этап первоначального накопления капитала вошёл в активную стадию. Произошёл резкий рост личных доходов вне всякой связи с производством<sup>4</sup> [14]. На фоне растущей инфляции развитие кооперативов позволило «теневому» сектору экономики стать легальным, в 1980-х гг. в нем участвовало до 30 млн чел., объём оборотов составлял от 90 до 500 млрд руб. [5, с. 146].

<sup>4</sup> Ежегодный прирост доходов населения в СССР в 1981—1987 гг. в среднем составил 15,7 млрд руб., а в 1988—1990 гг. — 66,7 млрд руб. В 1991 г. лишь за первое полугодие — 95 млрд руб., при этом зарплата в производстве увеличилась всего на 36%.

Одним из показателей популярности кооперативов стал их количественный рост. К 1 января 1988 г. в стране их действовало 13,6 тыс., в 1989 г. — 77,5 тыс., в 1990 г. — 300 тыс. Численность членов кооперативов возросла с 155 тыс. до 5,6 млн чел. [24, с. 17]. На Дальнем Востоке с 1988 по 1990 г. количество действующих кооперативов выросло с 443 до 8928, а занятых в кооперативном секторе — с 4 тыс. до 235,2 тыс. чел. [ИЭИ ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 2. Д. 146. Л. 95].

В дальнейшем кооперативы, согласно российскому законодательству 1994—1996 гг., получили статус малых предприятий с различной формой собственности. За 1991—2000 гг. их количество выросло в несколько раз, например, в Хабаровском крае — в 15 раз (с 575 до 8278), в Приморском — в 8 раз (с 2279 до 16 067) [21, с. 322—323].

Задачи кооперативной реформы были указаны в Законе о кооперации: удовлетворение потребностей народного хозяйства и населения в продовольствии, товарах народного потребления, жилище, продукции, работах и услугах с высокими потребительскими свойствами [1]. Основные направления деятельности кооператоров — выпуск модной одежды, предметов быта, изготовление мебели. Реализация продукции сконцентрировалась в местах наибольшего скопления народа: на вокзалах, рынках, оптовых базах и т.п. Во Владивостоке первые кооперативы были сосредоточены в центре, на Торговой улице (т.н. «Арбат», ул. Фокина). Действовали они по принципу «купить подешевле — продать подороже». Но появился и другой тип — производственные кооперативы, которые оказывали населению услуги по ремонту автомобилей, квартир и домов, мебели, остеклению балконов и др. Они размещались обычно при тех же учреждениях, от которых «отпочковались». Собственно, в советское время были бюро добрых услуг, но для того, чтобы добиться выполнения необходимых работ (например, остекления балкона или лоджии), приходилось ждать от 3—4 недель до нескольких месяцев (в том числе по причине отсутствия материалов). Кооператоры делали эту же работу дороже, но быстрее и качественнее<sup>5</sup>.

Появилось множество кооперативов по производству бытовых мелочей, которые стоили гроши, но приносили огромные доходы, потому что советские люди, измученные тотальным дефицитом, раскупали всё. Например, один из кооперативов занимался изготовлением липких аппликаций с последующей их продажей через киоски «Союзпечати». За 6 месяцев производство копеечного товара принесло 274 тыс. руб., рентабельность составила более 800% [1].

Для советского человека впервые после нэпа оказались доступны почти модные вещи — футболки с аппликациями, джинсы, — продававшиеся в ларьках, подземных переходах, в отделах, арендованных в промтоварных магазинах, выглядевших островками изобилия на фоне тех же магазинных полок, где весьма ограниченным ассортиментом реализовывался государственный товар<sup>6</sup>.

<sup>5</sup> Из личных воспоминаний Л.А. Крушановой.

<sup>6</sup> Из личных воспоминаний Л.А. Крушановой.

Советская кооперация развивалась в стране, в которой идеология была превыше всего. Хотя перестройка и вызвала определённые сдвиги в обществе, монополия КПСС на власть сохранялась. Изначально определились виды деятельности, которыми кооперативам было категорически запрещено заниматься. Наряду с обычными и для западных государств запретами на торговлю и производство оружия, боеприпасов, взрывчатки, наркотиков и ядов, запрещались:

- производство кино- и видеопродукции, организация обмена, продажа, прокат и публичная демонстрация кино- и видеопродукции;
- тиражирование кинофильмов, фильмов и программ на видеонаосителях и всё связанное с этим виды деятельности;
- издательская деятельность по выпуску произведений науки, литературы и искусства.

Запрещались валютные операции, азартные игры, производство алкоголя, операции с драгметаллами. Запрещалось изготавливать или реставрировать иконы, предметы религиозной символики и атрибутики (вплоть до свечей).

Партия не терпела конкурентов на культурном и идеологическом фронте. Но, как показывают документы, именно эти фронты и трещали по всем швам. В апреле 1989 г. Комитет народного контроля и Минфин СССР отчитались о проверке кооперативов на предмет осуществления запрещённой деятельности. Выводы оказались неутешительными: нарушения выявлены в каждом десятом кооперативе, в том числе и на Дальнем Востоке: «Наиболее распространёнными из запрещённых видов кооперативной деятельности остаются прокат и демонстрация видеопродукции, хотя повсеместно они считаются прекращёнными... Как правило, демонстрируются не закупленные для проката в стране фильмы, без продажи билетов и по произвольно устанавливаемым ценам. В большинстве случаев идёт бесконтрольный показ зарубежных видеофильмов, культивирующих жестокость, насилие и эротику, наносящих нравственный и моральный ущерб людям, и прежде всего молодёжи» [1].

Во Владивостоке один из первых видеосалонов действовал на ул. Пограничной, в районе стадиона «Динамо» и в непосредственной близости от прокуратуры. Это не мешало показывать там порнографию, боевики и т.п. продукты американской массовой культуры. Билет стоил 1 рубль, помещение было тесным, качество фильмов — безобразное.

Запрет на показ видеопродукции можно было обойти, если заручиться поддержкой авторитетных советских организаций. Так, один из первых видеосалонов Владивостока располагался в центре города, на месте клуба «Зелёная лампа» и ресторана «Порто-франко» (ул. Светланская, 13), прямо через дорогу от краевой администрации. Салон действовал под «крышей» краевого Дома молодёжи, который подчинялся непосредственно ЦК ВЛКСМ. Коммерческая деятельность кооператива строилась следующим образом: помещение видеозала и примыкающего к нему безалкогольного бара было взято в аренду у Дома актёра, причём не за деньги,

а за право всем членам Союза театральных деятелей, их друзьям и родственникам (если приходили вместе) один день в неделю (понедельник) смотреть видеофильмы бесплатно.

Владелец кооператива получал билеты на сумму от 1 до 3 тыс. руб. от краевого Дома молодёжи, которому отдавалась четверть выручки от их продажи. При этом в типографии завода «Варяг» допечатывались билеты ещё на 5 тыс., целиком поступавшие в распоряжение кооператора. Оборудованием служили три японских телевизора с большим экраном и видеомагнитофоны, купленные в валютном магазине «Парус» за бонусы, выдаваемые морякам заграничного пограничникам. Фильмы приобретались в Москве на квартирных студиях, где оригинальные американские видеокассеты копировались и переводились. Качество изображения было хорошее, а перевод — технический, без нюансов.

Билет стоил 1 рубль, т.е. в 2—5 раз больше обычного кинопросмотра. По словам руководителя видеосалона И.К., был ажиотаж: «Очередь стояла как в мавзолей Ленина». Сеансы начинались в 9 часов утра и продолжались до полвторого ночи. Фильмы шли блоками: детектив, комедия, «ужастик», боевик, эротика. Попадались такие зрители-фанатики, которые могли не выходить из салона целый день.

В свободное время бар и видеосалон обслуживали молодые актёры театра им. Горького. Эта «подработка» давала им больше средств, чем основная работа. И.К. гордится тем, что он первым в городе разрешил зрителям заходить в зал с соками и мороженым. Он позволял «девчонкам» подрабатывать, не делясь с ним: они пекли вафли и продавали их в баре. 300 вафель по 1 руб. давали выручку 300 руб. в день, что было в два раза больше средней месячной зарплаты актёра и любого другого советского служащего [7].

Скоро видеосалоны стали появляться повсеместно: на автовокзалах, железнодорожных вокзалах, аэропортах и прилегающих к ним территориях. Ощущая конкуренцию (очереди на сеансы уже не стояли), владельцы принялись искать новые рынки. Видеосалоны начали «гастролировать» по воинским частям, сельским и поселковым клубам [7]. В 1992 г. ездить стало экономически невыгодно: произошло резкое обнищание населения, а в скором времени видеомагнитофоны появились в свободной продаже.

Советский голод на определённые жанры литературы — детектив, фантастику, исторический роман — привёл к тому, что сразу после начала перестройки Приморское книжное издательство большим тиражом издало серию «макулатурных» книг. Это были детективы А. Кристи, Т. Гарднера, фантастика Р. Желязны и др., исторические романы А. Дюма, М. Дрюона и т.п. произведения, которые в советский период было невозможно купить в открытой продаже, и люди, желающие их приобрести, должны были сдать десятки килограммов макулатуры. В Доме культуры железнодорожников возник стихийный книжный рынок, позднее превратившийся в оптовый. Книжная торговля в начале 1990-х гг. осу-

ществлялась в самых примитивных формах и суровых условиях: вслед за возможным покупателем торговцы книгами занимали людные улицы, привокзальные площади, холлы больниц и санаториев. В удачном месте торговля шла бойко, быстро складывался круг постоянных клиентов, которые заказывали нужные книги или целые серии. Но наблюдалась и негативная реакция людей [10].

Условия для открытия кооператива в то время были отличные. Кооперативы создавались при государственных предприятиях. Заводы конкурировали между собой по количеству подопечных — это было престижно, патриотично. Выделяли помещения, помогали с документами. А главное, выдавали огромные кредиты. Наличными, без всяких залогов, под условные бизнес-планы и 3% годовых. Как говорила одна из предпринимательниц: «Я помню, как мы с мужем принесли домой из бухгалтерии завода два мешка денег, настоящих, бумажных, и спрятали под ванну». Наверное, из-за «кредитного беспредела» и погибло благое начинание. Механизма возвращения денег тогда не существовало. Кооператоры, кто поумнее, доставали рубли из-под ванны и меняли на доллары, а потом разводили руками: извините, не повезло. Постепенно бизнес приобретал иные масштабы. Сын директора завода открывал кооператив, заводские фонды плавно перетекали в его карман, и это была самая примитивная схема. Существовали сотни других [19].

Один из первых кооператоров Владивостока, занимающийся строительством, ремонтом и изготовлением мебели, вспоминает начало перестройки как время больших возможностей для предприимчивых людей. Он, впрочем, вполне преуспевал и при советском строе, умудряясь сдельно получать по 500—1000 руб. в месяц и обеспечивать своей бригаде заработки в 400—450 руб. Деятельность его кооператива началась с аренды небольшого цеха при строительном управлении, где стали выполняться различные плотницкие и столярные работы, ремонт и т.д. П.К. вспоминает, что в оформлении документов помог чиновник районной администрации, отмечает его компетентность, доброжелательность и абсолютно бескорыстную заинтересованность. Время взяток и «откатов» тогда ещё не пришло. Устойчивый спрос на услуги кооператива обеспечивался тем, что население устало от типовых домов, стандартной мебели из ДСП, плохого ремонта, сделанного своими руками. Возникла потребность в индивидуальной, уникальной или просто качественной работе, которую готовы были хорошо оплачивать [9].

Дефицит товаров и услуг в СССР привёл к тому, что первые кооператоры быстро обогащались. На фоне стандартных советских зарплат в 120—300 руб. в месяц доход кооператора в 1—2 тыс. руб. казался огромным и вызывал острую зависть и общественное осуждение. Уже 14 марта 1988 г. был подписан Указ Президиума Верховного Совета СССР о прогрессивном налогообложении кооператоров с целью урезать их прибыли. В интервью А. Боссарт министр финансов Б.И. Гостев эмоционально мотивировал принятие Указа: «Моя жена своими глазами видела, как

продавец рубил мясо кооператору в магазине. И я ответственно заявляю, что так делают практически все: чуть подороже двух рублей покупают мясо (которое, кстати, государству стоит четыре) и продают его по двадцать пять в виде шашлыков. Боржоми продают за рубль. Пепси-колу — по два шестьдесят за бутылку. Они же не делают пепси-колу!» [3]. Случайно или сознательно министр выразил мнение «простого советского человека»: «Где вы видели честных ребят с зарплатой в полторы тысячи рублей? Почему вы рабочего не защищаете, который получает двести?.. Одним словом, «кооперация — это узаконенная спекуляция», — именно так выразился один механик...» [3].

Появление частного предпринимательства и, как следствие, быстрое обогащение некоторых людей в стране, где большинство населения имело только советский опыт проживания в государственно-распределительной системе, не могли не порождать конфликты и социальное напряжение. Ситуацию усугубляло отсутствие многих товаров в государственной торговле. У простого человека, естественно, возникал вопрос: почему в магазине нет мяса, колбасы и других продуктов, но они есть у «кавказцев», которые свободно торгуют шашлыками на базарах, привокзальных площадях и в парках отдыха? Местные власти, желая снять с себя ответственность за отсутствие товаров в госторговле, виновными называли продавцов магазинов. Отчасти это соответствовало действительности: складывавшиеся в течение трёх десятилетий отношения «блата» проявили себя в полной мере. Но в отличие от 1960 — первой половины 1980-х гг., когда действовал принцип «ты — мне, я — тебе», в конце 1980 — начале 1990-х гг. в условиях тотального дефицита он дополнялся денежным вознаграждением. В этом случае значительная часть советских граждан, имевших «блат», но не владевших свободными финансовыми средствами, оказалась отрезанной. Таким образом, первые кооператоры и частные предприниматели действовали в ситуации правовой и моральной неопределённости, постоянно балансируя на тонкой грани между законом и его нарушением.

Предпосылки такого поведения созрели ещё в период «брежневского прагматизма», когда власть и молодое поколение номенклатуры перестали верить в светлое будущее и начали мыслить технократически. Оптимальное планирование поздней советской эпохи опиралось на метод линейного программирования, по которому из всех возможных планов самым лучшим считался пограничный, тот, где достигался максимум прибыли, но ещё не были нарушены официальные ограничения. Такой метод провоцировал ориентацию хозяйственников на действия, близкие к преступлениям (пограничные с законом, совестью, иными запретами). А в постперестроечное время частной конкуренции эта ориентация усилилась. Ибо если в законе обнаруживаются «лазейки», обеспечивающие дополнительную прибыль, этим нужно непременно воспользоваться, опередив конкурентов [25].

Ярким примером огромных рисков всех участников экономической деятельности переходной от социализма к капитализму эпохи являет-

ся дело камчатских рыбаков. В 1993 г. государственное производственное объединение «Океанрыбфлот» было приватизировано руководством с участием трудового коллектива и стало частным АО. Группа капитанов рыболовецких судов и их помощников, воспользовавшись практикой неполного оприходования добываемой продукции, создала в ходе промысла неучтённый запас икры минтая в 50 т, который реализовала в иностранном порту за 220 тыс. долл., а полученные деньги разделила между экипажами. Когда этот факт стал известен владельцам компании, они подали в суд, капитаны были обвинены в хищении и осуждены по ст. 147-1 УК (от 4 до 10 лет лишения свободы). Остальные члены экипажей, также получившие свою долю прибыли, к уголовной ответственности не привлекались.

Дело камчатских рыбаков получило общественный резонанс, т.к. выявило многие проблемы того времени. Во-первых, приговор отчётливо продемонстрировал инерцию советского судопроизводства, когда любое «хищение социалистической собственности» рассматривалось не гражданским, а уголовным кодексом. Во-вторых, суд тем самым признал традиционное право рыбаков на присвоение части продукции, что и в советское время было существенной частью оплаты их нелёгкого труда, а в условиях инфляции и задержек зарплаты приобрело особое значение. В-третьих, дело вскрыло проблему дисциплины труда на производстве: советские руководители в условиях дефицита рабочей силы не имели рычагов воздействия на «летунов», «несунов», прогульщиков и пьяниц. Как показал опыт, и новые собственники предприятий плохо справляются с этой проблемой: безработица на местах причудливо соединяется с дефицитом квалифицированных кадров, приходится приглашать гастарбайтеров, потому что российские рабочие «пьют и воруют» [25]. И, наконец, суд над камчатскими рыбаками показал несформированное правовое и нравственное сознание россиян в вопросах собственности и предпринимательской деятельности [25].

Экономические и нравственные проблемы, связанные с переходом от советского типа общественных институтов к рыночным, резко обострились после прихода к власти Б.Н. Ельцина и его нелиберального правительства. Кооперативы, как и остальное советское производство, были подорваны, когда открылись границы и дешёвый импортный товар вытеснил с рынков отечественную продукцию. Следствием стало широкое распространение в конце 1980 — начале 1990-х гг. нового направления частной инициативы — «челночного» бизнеса. На Дальнем Востоке его развитие было обусловлено близостью Китая, Республики Корея и Японии. Вчерашние спекулянты достаточно быстро нашли себя. В то же время рухнувшая в 1992 г. советская экономическая система поставила на грань выживания инженеров, врачей и учителей. Только за январь 1992 г. цены выросли на 352%, а к концу 1992 г. — в среднем на 2600% (а на некоторые товары и того больше) [28]. Низкая зарплата, которая не выплачивалась месяцами, отсутствие в госторговле продуктов питания и одежды и другие

проблемы вынуждали людей адаптироваться к резко менявшимся условиям. Об этом говорила Т.К. — бывшая «челночница» и бывшая учительница одной из школ Владивостока. Свой бизнес она начала в 1991 г., когда её мужа направили в командировку в Китай. От знакомых они узнали, что в Китай нужно везти электроутюги, чайники, одноконфорочные плиты, дюралюминиевые вёдра. В.К. (муж Т.К.) взял с собой один или два утюга, два электрокипятильника и что-то ещё (совокупная стоимость купленных советских товаров составляла около 500 руб.). В Китае В.К. обменял их на две кожаные куртки, которые во Владивостоке были проданы за 4 тыс. руб. Так появился первоначальный капитал. «Китайским» бизнесом семейная чета занималась менее двух лет. В скором времени он стал невыгоден, Т.К. и В.К. «переключились» на корейские и японские товары [17].

Правда, после выхода Указа Президента РФ «О свободе торговли» (29 января 1992 г. № 65) выяснилось, что не все советские спекулянты могут действовать в условиях разрешения всеобщей торговли, и на этом частная инициатива многих прекратилась. Другие, преимущественно «челноки», получив статус частного предпринимателя, уверенно действовали до конца 90-х гг., а «автомобилисты» — до конца 2000-х гг.

Неолиберальными реформаторами была начата и другая радикальная реформа — приватизация государственной собственности. На Дальнем Востоке, как и по всей стране, это приводило к переходу в частные руки высокорентабельных предприятий, злостным банкротствам и распродаже активов менее выгодных производств. Погибли целые отрасли и градообразующие предприятия (например, добыча угля в Партизанском районе Приморья и Углегорском районе Сахалина и др.). Кооператоры и мелкие предприниматели не могли конкурировать с новым поколением «номенклатурных» бизнесменов и «красными директорами», которые использовали административный ресурс и государственные средства.

Приватизация предприятий в условиях ослабления страны, несложившихся экономических и правовых институтов порождала причудливые и уродливые социальные формы. 1990-е гг. вошли в историю как эпоха «беспредела», бандитских «наездов» и «крыш». Но даже честные предприниматели зачастую были вынуждены действовать неординарно. Так, по воспоминаниям бывшего директора транспортного предприятия в Шахтёрске (Сахалинская область), он начал приватизацию с того, что убедил рабочих взять вместо невыплаченной зарплаты за полтора года несколько локомотивов и вагонов. Сам директор на свою зарплату и сбережения выкупил рельсы и производственные помещения. Впоследствии подвижной состав был выкуплен у трудового коллектива. Предприятие работает до сих пор, обеспечивая рабочими местами 40 чел. Интересно, что на аналогичном предприятии (АТП), которое обслуживало бумажный завод Углегорска, всё оборудование, вагонетки, локомотивы и рельсы были проданы владельцами на металлолом [8].

Для многих мелких бизнесменов приватизация была не столько результатом стремления к обогащению, сколько средством адаптации к сложным жизненным условиям. Так, владелица пекарни из Углегорска (Сахалин), описывая свой путь в бизнес, подчёркивает императив выживания и спасения гибнущего предприятия [11].

Таким образом, уже в повседневных практиках советского времени были прочно укоренены простейшие формы рыночных отношений и предпринимательства. Они существовали вопреки государственной идеологии и могли расцениваться как уголовное преступление или административное правонарушение, но прочно вошли в быт всех слоёв советского общества. К «чёрному рынку» были причастны и высшие лица номенклатуры, и представители рабочих и служащих, и маргинальные и криминальные слои.

Деятельность кооператоров и мелких предпринимателей 1987—1991 гг. также была обусловлена советскими социокультурными реалиями. Они компенсировали потребительский дефицит за счёт ресурсов планового хозяйства, используя возможности и привилегии советских статусных групп.

После распада СССР, ослабления государства и кризиса советского образа жизни предприниматели в очередной раз были вынуждены приспособливаться к новым суровым условиям. Причём, если речь идёт о мелком бизнесе, несмотря на либеральную рыночную риторику и соответствующее законодательство, государство ничем не облегчило жизнь предпринимателей. Необходимые институты и инфраструктура создавались усилиями мелкого бизнеса методом проб и ошибок.

#### ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Акулы советского капитализма: как зарабатывали миллионы первые белорусские кооператоры // ONLINER.BY: информационно-аналитический ресурс. URL: [dengi.onliner.by/2012/12/04/koop](http://dengi.onliner.by/2012/12/04/koop) (дата обращения: 02.07.2013).
2. Бляхер Л.Е. Моральная политика и моральная экономика, или игра в перепрыгивание дождя. М.: МОНФ, 2000.
3. Боссарт А. Интервью с Б.И. Гостевым // Огонёк. 1988. № 29.
4. Бунич А.П., Гуров А.И., Корягина Т.И. и др. Теневая экономика. М.: б.и., 1991.
5. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и её реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х гг. XX в.). Владивосток: Дальнаука, 1998.
6. Закон об усилении борьбы с антиобщественными паразитическими элементами, законопроект Комиссии законодательных предложений Верховного Совета РСФСР // Советская Россия. 21 авг. 1957.
7. Интервью с бывшим кооператором И.К., 1947 г.р. Владивосток, июль 2013 г. Личный архив Ю.Н. Ковалевской, личный архив Л.А. Крушановой.
8. Интервью с В.Ш., 1957 г.р. Шахтёрск, июль 2013 г. Личный архив Ю.Н. Ковалевской.
9. Интервью с кооператором и предпринимателем П.К., 1956 г.р. Владивосток, июль 2013 г. Личный архив Ю.Н. Ковалевской.

10. Интервью с предпринимательницей Я.С., 1968 г.р. Владивосток, апрель 2013 г. Личный архив Ю.Н. Ковалевской.
11. Интервью с Р.П., 1953 г.р. Углегорск, июль 2013 г. Личный архив Ю.Н. Ковалевской.
12. Интервью с Т.К., 1952 г.р. Владивосток, июль 2013 г. Личный архив Л.А. Крушановой.
13. Интервью с А.П., 1958 г.р., Владивосток, сентябрь, 2013 г. Личный архив Л.А. Крушановой.
14. История государства и права России. Учебник для вузов / под ред. С.А. Чибиряева // GUMER.INFO: электронная библиотека Гумер. URL: [http://www.gumer.info/bibliotek\\_Buks/Pravo/IstPrav/82.php](http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pravo/IstPrav/82.php) (дата обращения: 07.09.2012).
15. Коренев А.П. Законодательная техника и кодификация советского административного права // Правоведение. 1961. № 3. С. 35—45.
16. Крушанова Л.А. Особенности экономической преступности в Приморском крае в середине 1950-х —1960-е гг. // Ойкумена (Владивосток). 2011. № 2. С. 86—93.
17. Кузнецова Н.Ф. Проблемы криминологической детерминации / под ред. В.Н. Кудрявцева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 208 с. // VUZLIB.ORG: экономико-правовая библиотека. URL: [http://www.pravo.vuzlib.org/book\\_z077\\_page\\_16.html](http://www.pravo.vuzlib.org/book_z077_page_16.html) (дата обращения: 01.08.2013).
18. Лейбович О. Современный цикл отечественной модернизации: культурные компоненты // Модернизация в социокультурном контексте: традиции и трансформации. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, УрГУ, 1998.
19. Лившиц Ю. Фирма вяжет веники и печёт пироги // АиФ Челябинск. 2001. 7 (682). // GAZETA.AIF.RU: сайт издательского дома «Аргументы и факты». URL: [http://gazeta.aif.ru/\\_/online/chelyabinsk/682/20\\_01](http://gazeta.aif.ru/_/online/chelyabinsk/682/20_01) (дата обращения: 01.08.2013).
20. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986.
21. Моисеева Л.А., Вашук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России. Конец XX — начало XXI в. Владивосток: Изд-во ДВО РАН, 2006.
22. Одно из самых громких расстрельных уголовных дел эпохи Хрущёва [электронный ресурс]. URL: <http://www.mywebs.su/blog/people/7433.html> (дата обращения: 13.07.2013).
23. Раззаков Ф.И. Начало теневой экономики // LIB.RUS.EC: электронная библиотека Либрусек. URL: <http://lib.rus.ec/b/45663/read> (дата обращения: 06.09.2012).
24. Российское предпринимательство: История и возрождение. В 3 кн. Кн. 1 / гл. ред. Ю.В. Волков. М.: Русское деловое агентство, 1997.
25. Сокирко В.В. Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы: учебное пособие. М.: РосКонсульт, 2000. 640 с. // SOKIRKO.INFO: архив книг, дневников и слайд-фильмов (диафильмов) двух советских диссидентов: Сокирко В.В. и Ткаченко Л.Н. URL: <http://www.sokirko.info/ecomomy/prisyaghnye.htm> (дата обращения: 25.05.2013).
26. Становление нового российского предпринимательства (социально-экономический аспект) / под ред. В.В. Радаева. М.: Институт экономики РАН, 1994.
27. Фарцовка // LURKMORE.TO: Луркоморье — электронная энциклопедия современной культуры, фольклора и субкультур. URL: <http://lurkmore.to/Фарцовка> (дата обращения: 21.10.2013).
28. Хинштейн А.Е. Ельцин. Кремль. История болезни // LITMIR.NET: электронная библиотека. URL: <http://www.litmir.net/br/?b=87129&> (дата обращения: 16.07.2013).
29. ГАПК (Гос. арх. Приморского края).
30. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
31. УВД ПК (Арх. Управления внутренних дел Приморского края).
32. ГАХК (Гос. арх. Хабаровского края).
33. ИЭИ ДВО РАН (Арх. Института экономических исследований ДВО РАН).